

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.1'36

Балута А.А.

Московский государственный областной университет

АБСОЛЮТНЫЕ ОБОРОТЫ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

A. Baluta

Moscow State Regional University

ABSOLUTE ADVERBIAL CONSTRUCTIONS IN INDO-EUROPEAN AND SEMITIC LANGUAGES

Аннотация. В данной статье проводится сопоставительный анализ абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в индоевропейских языках. Выявляются причины фиксации определённого падежа предикативного центра абсолютных оборотов в каждом языке. Определяются способы передачи значений абсолютных оборотов в семитских языках, устанавливается структурное различие индоевропейских и семитских абсолютных конструкций. В заключение выводятся общие закономерности развития данных оборотов в индоевропейских и семитских языках.

Ключевые слова: полупредикативная конструкция, абсолютный оборот, причастие, инфинитив, индоевропейские языки, семитские языки.

Abstract. This article presents a comparative analysis of absolute adverbial constructions in Indo-European languages. The author explains why the case in the predicative center in absolute constructions is fixed in each language. The ways of conveying absolute constructions meaning in the Semitic languages are defined, structural differences of Indo-European and Semitic absolute constructions are described. In conclusion, general laws of development of these constructions in Indo-European and Semitic languages are given.

Key words: semi-predicative construction, absolute construction, participle, infinitive, Indo-European languages, Semitic languages.

Во многих индоевропейских языках существуют полупредикативные конструкции, не зависящие ни от одного члена предложения. Такие конструкции в грамматиках называются абсолютными или самостоятельными оборотами. Предикативным центром абсолютного оборота обычно является причастие, которое выступает в качестве «логического сказуемого» конструкции и согласуется в роде, числе и падеже с именем – «логическим подлежащим». Оба компонента «предикативной основы» оборота стоят в определённом падеже, закреплённом в

данном языке для данного типа конструкций, а вся конструкция по смыслу равнозначна придаточному обстоятельству предложению, чаще – временному с союзом «когда»: **Autumno adveniente, aves avolant** (латинский яз.). – «**Когда наступает осень**, птицы улетают»; «**С наступлением осени** птицы улетают».

Подобные конструкции больше характерны для древнего состояния языка. Этому обстоятельству существует своё логическое объяснение. В грамматическом строе древнейших языков паратаксис преобладал над гипотаксисом. Категория подчинительных союзов на раннем этапе развития языка (нижней границей мы считаем период, зафиксированный в ранних письменных памятниках каждого древнего языка, например, для латинского языка это архаический период: всё, что было написано на латыни до I в. до н. э.) либо развита слабо, либо совсем ещё не сформирована [3, с. 111]. Первичным способом человеческого мышления признаётся синтетический [14, с. 16], это также может способствовать предположению о превалировании синтетической предикативности синтаксических конструкций в древнейших языках. Таким образом, в древнейших языках вместо сложных развёрнутых синтаксических конструкций формировались полупредикативные обороты, в том числе и с обстоятельным значением.

Абсолютными эти обороты становились в силу того, что придаточные обстоятельные по природе своей являются приосновными, а не присловными конструкциями, как, например, изъяснительно-объектные. Предикативным центром абсолютных оборотов с обстоятельным значением является глагольное имя, чаще – адъективного характера – причастие, так как именно оно показывает большую синтаксическую гибкость в плане изменения категорий рода, числа и падежа. Причастия употребляются в разных временных формах, допустимых для данного языка, обычно в форме настоящего и прошедшего времени, чтобы показать одновременность или предшествование действию главного

предложения. Глагольные имена субстантивны, например инфинитивы, обладают меньшей, чем причастия, синтаксической гибкостью, так как даже в древних языках у этой формы практически отсутствовали падежные изменения. В большинстве индоевропейских языков инфинитивы зафиксированы лишь в формах именительного и винительного падежей, и поэтому входят в состав иных, присловных полупредикативных оборотов (например, *Accusativus cum infinitivo* в латинском и древнегреческом языках), имеющих значение сложного дополнения или подлежащего. Обстоятельные абсолютные обороты, напротив, обычно принимают форму иных (кроме винительного) косвенных падежей: родительного, дательного, местного, отложительного и др. В семитских языках по причине того, что инфинитивы и причастия имеют иные, отличные от индоевропейских, грамматические характеристики, абсолютные обороты вообще сложно охарактеризовать как особую категорию синтаксических конструкций. Однако это возможно при условии проведения аналогий с некоторыми индоевропейскими языками.

Таким образом, обозначив ряд особенностей абсолютных оборотов с обстоятельным значением в индоевропейских языках и указав на сложности их интерпретации в языках разных типов, мы можем определить задачи данного исследования: 1) провести сопоставительный анализ абсолютных оборотов в некоторых древних и новых индоевропейских языках; 2) определить причины фиксации определённого падежа предикативного центра абсолютных оборотов в каждом языке; 3) найти способы передачи значений абсолютных оборотов в семитских языках; 4) выявить общие закономерности развития данных оборотов в индоевропейских и семитских языках.

Исследование структуры абсолютных оборотов с обстоятельным значением в индоевропейских языках мы начнём с одного из древнейших языков данной семьи – санскрита. В *санскрите* в данном значении употребляется оборот *Locativus absolutus*.

«Логическое сказуемое» данного оборота выражено причастием, а «логическое подлежащее» представлено именем или местоимением. Оба компонента предикативного центра употребляются в местном падеже: **surye astam gate vihagaah pratyaaagacchanti** – «Когда солнце идёт к горизонту, птицы возвращаются» [15, с. 37].

В древнегреческом языке абсолютные обороты с обстоятельственным значением встречаются в форме всех косвенных падежей этого языка: в родительном, дательном и винительном [6, с. 94], однако наиболее распространены конструкции Genetivus absolutus. Структура оборота аналогична той, что мы видели в санскрите: **Kurou basileuontos hoi Persai erhon pases tes Asias**. – «Когда царствовал Кир (= в царствование Кира), персы властвовали надо всей Азией» [6, с. 35]. Если действие абсолютного оборота и главного предложения выполняется одним и тем же лицом, то Genetivus absolutus можно переводить деепричастным оборотом: **Tes Troias aliskomenes hoi Ahaioi pollous oiketas autes ekteivov**. – «Захватывая Трою, ахейцы убивали много её жителей» [6, с. 35].

В латинском языке широко используется оборот Ablativus absolutus, аналогичный по структуре обороту Locativus absolutus в санскрите. Компоненты латинского абсолютного оборота стоят в форме отложительного падежа, который, как и местный падеж в санскрите, мог выражать в беспредложном употреблении значения времени: **Alexandro mortuo, legatos Tyrum misimus**. – «Когда Александр умер, мы отправили послов в Тир» [11, с. 330]. В древнегреческом языке также встречается употребление беспредложного родительного падежа в значении времени [12, с. 273], но частотность употребления в древнегреческом родительного временного ниже, чем частотность употребления отложительного временного в латинском и местного временного в санскрите.

В старославянском языке аналогом абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в санскрите, древнегреческом и латинском языках признаётся дательный са-

мостоятельный: **ютроу же вьвьшю. съвѣтъ сътвориш- вси архиереи...** – «Когда наступило утро, все архиереи собрали совет» [4, с. 187]. Однако в старославянском языке, как и в древнерусском, беспредложный дательный падеж в значении времени встречался крайне редко [9, с. 242], хотя широко употреблялся дательный временной с предлогом «по»: **«по рану же даютъ шьешни»** [9, с. 331]. В беспредложном же значении в старославянском и древнерусском языках чаще употреблялся творительный падеж [9, с. 245], значение которого в данном случае близко временным значениям беспредложных форм санскритского местного и латинского отложительного. Такое употребление творительного падежа в значении времени без предлога мы видим и в современном русском языке: **«ночью мне приснился сон»**. В языкознании ещё окончательно не решён вопрос о причине закрепления за дательным падежом места в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. Мы предлагаем принять во внимание то обстоятельство, что дательный падеж в старославянском и церковнославянском языках также является падежом полупредикативных конструкций со значением сложного дополнения и обстоятельства, которые в отечественном языкознании называются «дательный с инфинитивом»: **И исцѣли его, такъ слѣпомъ и нѣмомъ глаголати и гддати** – «и исцели его, так что слепой и немой стал говорить и видеть» [10, с. 74]. В таких оборотах употребление дательного падежа, где функции «логического сказуемого» выполняет инфинитив, объясняется тем обстоятельством, что сам инфинитив в старославянском языке считается застывшей формой дательного падежа [5, с. 94]. В таком случае, закрепление дательного падежа в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением можно отчасти объяснить аналогизирующим влиянием действующей синтаксической модели.

Использование дательного самостоятельного наблюдается и в древнерусском языке [1, с. 396], однако в процессе исторического развития языка этот оборот постепенно выходил из употребления, заменяясь аналогич-

ными по смыслу придаточными обстоятельственными предложениями. В русском языке XVIII в. употребление дательного самостоятельного воспринималось как архаизм [1, с. 397]. В современном русском языке этот оборот не употребляется.

Абсолютные обороты с обстоятельственным значением, где логическое подлежащее выражено именем или местоимением в общем падеже, употребляются во французском (*la proposition participle absolue*) и в английском (*the Nominative Absolute Participial Construction*) языках [8, с. 179]. Эти конструкции являются эквивалентами исследованных нами ранее оборотов в других индоевропейских языках и аналогичны по смыслу придаточным обстоятельным: (англ.) **The enemy approaching**, the inhabitants closed the gates – «**Когда приближался (= так как приближался) враг**, жители закрыли ворота»; (фр.) **L'ennemi approchant**, les habitants fermerent la porte – «**С приближением врага (= так как враг приближался)**, жители закрыли ворота» [8, с. 180]. Мы не определяем условия закрепления определённой формы косвенных падежей в этих конструкциях в силу особенностей грамматики английского и французского языков, где нет беспредложного выражения косвенных падежных значений.

Таким образом, нам удалось установить, что аналогичные абсолютные обороты с обстоятельственным значением употребляются как в древних, так и в новых индоевропейских языках. Эти конструкции называются по-разному, но имеют структурное сходство. Выбор определённого падежа «логического подлежащего и сказуемого» данных оборотов может зависеть от особенностей и частотности употребления этого падежа в значении времени без предлога.

В семитских языках грамматические характеристики причастия, которое в индоевропейских абсолютных оборотах с обстоятельственным значением выполняет функции «логического сказуемого», несколько отличаются от грамматических характеристик данной формы в индоевропейской семье. Причас-

тия в семитских языках являются именными формами, регулярно образуемыми от всех глагольных основ [2, с. 186]. Однако семитские причастия, в отличие от индоевропейских, не имеют морфемных показателей, определяющих отношение ко времени [2, с. 248], то есть не существует разных причастий для разных времён. Основная дифференциация причастий осуществляется по залоговому признаку: причастия действительного залога (активные) и причастия страдательного залога (пассивные). Они могут образовываться от простых и расширенных основ [2, с. 248]. При этом диапазон синтаксических функций активного причастия обычно значительно шире, чем у пассивного. Например, в иврите, как в библейском, так и в современном, активное причастие употребляется в качестве глагола настоящего времени и представляет собой в данном случае единственную возможную форму, так как спрягаемой формы глагола настоящего времени в иврите нет: *ani kotev* – «я пишу» = «я пишущий» [13, с. 77].

В арамейском языке активное причастие сливается с сокращённой формой личных местоимений и образует спрягаемую форму настоящего времени [2, с. 190]. Причастие страдательного залога модели *getil*, за которым следует предлог *le* с местоименными суффиксами, послужило основой для образования описательной формы прошедшего времени: *šemi'li* – «я слышал» [2, с. 180]. Такой способ предикативного употребления причастий без вспомогательного глагола в качестве сказуемого можно аналогизировать с употреблением индоевропейского (по большей части славянского) предикативного причастия на *-l*.

Отношение семитских причастий к законченности/незаконченности действия сближает эти формы с индоевропейскими аналогами. Но ряд существенных отличий семитских причастий от индоевропейских не способствовал их закреплению в полупредикативных абсолютных конструкциях. Кроме того, семитские причастия по возможностям своей сочетаемости с иными частями речи значительно уступают другим глагольным

именам – инфинитивам. Именно с инфинитивами в семитских языках формируются конструкции, аналогичные индоевропейским абсолютным оборотам с обстоятельственными значениями.

Инфинитивы в семитских языках – это «абстрактные названия самого глагольного признака без указаний на лицо, залог, время и другие конкретные характеристики глагола» [2, с. 249]. Таким образом, семитские инфинитивы (в отличие от индоевропейских) никогда не обладали временными категориями. Как и причастия, они «имеют двойственный грамматический характер: по своим синтаксическим связям они могут приравниваться к именам, сохраняя некоторые свойства глагольного управления. В некоторых языках, например, в эфиопском и в иврите, этой двойственностью объясняется возникновение двух типов инфинитивов – одного с именным характером, другого с глагольным» [2, с. 249].

В эфиопском языке распространены так называемые «генетивные конструкции», предикативным центром которых является *глагольный* инфинитив. Как глагол, этот инфинитив может включать в себя обозначение субъекта действия, но не при помощи афформативов глагольного спряжения, а посредством именных посессивных суффиксов в значении родительного падежа: *sami'o neguṣ dangadda* – «**когда царь** слышал, он встревожился», где *sami'o* – букв. «его акт слушания» (*sami'* – инфинитив «слушать» + местоименный посессивный суффикс *o* в значении Genetivus subjectivus) [2, с. 249]. Таким образом, полупредикативную генетивную конструкцию эфиопского языка можно сравнивать с абсолютным оборотом в значении обстоятельства времени, когда в главной и придаточной частях субъекты действия совпадают.

Генетивные конструкции вообще были широко распространены в древних семитских языках, причём за счёт употребления именных посессивных суффиксов они могли функционировать даже в тех грамматических системах, где аффиксальные падежные показатели с теснением времени выходили из

употребления. Следует отметить, что одним из самых близких по значению к семитским генетивным конструкциям является индоевропейский Genetivus absolutus, употребляющийся в древнегреческом языке.

В иврите также существует два инфинитива: *infinitivus absolutus* и *infinitivus constructus*. *Infinitivus absolutus* является полностью неизменяемой формой, он употребляется преимущественно в библейском и литературном языке, не может присоединять предлоги и не имеет именного характера [2, с. 188], поэтому не может употребляться в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. *Infinitivus constructus* – это именной инфинитив. Он может присоединять как местоименные суффиксы, так и предлоги. Именно способность соединения с предлогами, на наш взгляд, обеспечивает возможность данному типу инфинитива войти в предикативный центр абсолютных оборотов с обстоятельственным значением [7, с. 213]. Иврит и в современном, и в библейском состоянии представляет собой язык, где склонение формально выражается не аффиксально, а с помощью предлогов. Поэтому именно предлог определяет падежное значение имени. Во временных абсолютных оборотах иврита *infinitivus constructus* употребляется с предлогами *b(e)* и *k(e)*.

Предлог *b(e)* может передавать значение творительного падежа [7, с. 458], поэтому в соединении с именем он формирует значения, в том числе и временные, близкие к латинскому отложительному падежу (Ablativus). При соединении предлога *b(e)* с *infinitivus constructus* получают обороты, аналогичные латинским Ablativus absolutus: *b(e)hibbar(e)'am* – «когда они были созданы» или «при их сотворении», где *hibbar(e)'* – инфинитив, *-am* – суффикс 3 лица мн. числа [2, с. 189]. Есть также случаи употребления подобных оборотов, где предлог, определяющий падеж конструкции, присоединяется непосредственно к инфинитиву, а к дополнительному лексическому показателю времени: *b(e)jom akol(e)ka* – «**в тот день, когда ты будешь есть**», где *akol* – инфинитив «есть», ка

– суффикс 2 лица ед. числа [2, с. 189]. Предлог k(e) имеет общее происхождение с союзами k(e) («как, подобно») и k(i) («когда, если, потому что»), следовательно, также может передавать временное значение [7, с. 468]. Сливаясь с определительным местоимением asher («который»), он образует временной союз kaasher («когда») [7, с. 468]. Таким образом, конструкция, в основе которой находится инфинитив с предлогом k(e), по форме является полупредикативной, равной по значению придаточному временному: **k(e)sham'ò ethadavar** – «когда он услышал это слово», «при услышании им этого слова». Здесь **shmoa** – инфинитив, соединённый с местоименным суффиксом 3 лица ед. числа -o, и потому поменявший огласовку [7, с. 216].

По результатам проведения сопоставительного анализа абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках можно сделать следующие выводы. В исследованных нами древних индоевропейских языках (санскрите, древнегреческом, латинском и старославянском) широко употреблялись аналогичные по структуре абсолютные обороты с обстоятельственными значениями. В качестве «логического сказуемого» в этих оборотах используется причастие, которое согласуется с «логическим подлежащим» – именем или местоимением – в роде, числе и падеже. Падеж «предикативной основы» оборота в каждом языке может быть разным. Это может зависеть от состава падежных форм конкретного языка, а также от возможностей употребления определённого падежа без предлога в значении времени. В новых языках частотность употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением бывает снижена (английский, французский), или они совсем выходят из употребления (русский язык). В семитских языках (эфиопский, иврит) место «логического сказуемого» в абсолютных оборотах занимает инфинитив, а «логическое подлежащее» выражается с помощью местоименных притяжательных суффиксов). Падежное значение в языках аналитического типа в исследуемых конструкциях задаётся

предлогом. С течением времени в некоторых семитских языках частотность употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением не снижается (современный иврит).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булаховский А.А. Курс русского литературного языка. Т. 2. Исторический комментарий. – 4-е изд., испр. и доп. – Киев: Гос. уч. пед. изд-во «Радянська школа», 1953. – 436 с.
2. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. – 2-е изд. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1988. – 439 с.
3. Дынников А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь. – М.: Изд-во Московского университета, 1975. – 313 с.
4. Иванова Т.А. Старославянский язык: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 224 с.
5. Камчатнов А.М. Старославянский язык. Курс лекций. – 3 изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 152 с.
6. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. – 336 с.
7. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка. – Изд. 2-е, перераб. – М.: РБО, 2000. – 508 с.
8. Латинский язык: Учеб. для пед. ин-тов / Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. – 6-е изд., стер. – М.: Высш. шк., 2000. – 384 с.
9. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М.: Издательство Московского университета, 1956. – 596 с.
10. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык / Науч. ред. В.М. Живов. – М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. – 192 с.
11. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. – СПб.: Алетейя, 1998. – 432 с.
12. Соболевский С.И. Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений. – СПб.: Алетейя, 1999. – 615 с.
13. Соломоник А. Практическая грамматика иврита / Под ред. Б. Подольского. – Иерусалим: , 1983. – 157 с.
14. Халина Н.В. Категория градуальности в морфологии. (Сравнительная степень прилагательных). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 1996. – 229 с.
15. Шкатулка санскрита. Часть первая. Русское издание, испр. и доп. – М.: Самиздат, 2002. – 64 с.